

И. Грекова

Летом в городе

ФТМ

И. Грекова
Летом в городе

«ФТМ»

1962

Грекова И.

Летом в городе / И. Грекова — «ФТМ», 1962

«Когда цветут липы, город весь погружается в запах. Пахнет в трамваях, в магазинах, на лестницах. В большом библиотечном зале тоже пахло липами. Окна были раскрыты, и, когда налетал ветерок, каждый чувствовал присутствие лип...»

© Грекова И., 1962

© ФТМ, 1962

И. Грекова

Летом в городе

Когда цветут липы, город весь погружается в запах. Пахнет в трамваях, в магазинах, на лестницах.

В большом библиотечном зале тоже пахло липами. Окна были раскрыты, и, когда налетал ветерок, каждый чувствовал присутствие лип.

Шла читательская конференция. Все было как полагается. Стол, накрытый зеленым сукном. Графины, цветы в горшках, микрофон. Народу собралось много, человек сто, не меньше. В президиуме сидел писатель Александр Чилимов. У писателя было хмурое, немолодое лицо, чуть отечное книзу, с глубокой, врубленной морщиной между бровей. Он положил на зеленое сукно большие, жесткие руки и смотрел прямо перед собой, на портрет Тургенева.

У другого конца стола, на самом краешке стула, примостилась заведующая библиотекой Валентина Степановна. Она волновалась. В горле у нее першило, в глазах жгло. Когда кто-нибудь из выступающих путался или запинался, она начинала мучительно шевелить губами.

Только что отошел от микрофона Миша Вахнин, слесарь с инструментального завода. Эх! Так вчера хорошо рассказывал, а теперь сбился. Генриха Беля назвал Генрихом Боклем. Никак не мог выговорить «экзистенциализм». В зале смеялись. Обидно! Знали бы они его... Ведь у человека свои мысли, свежий взгляд – это не часто бывает.

...А писателю скучно. Сколько он, верно, слышал таких выступлений...

К микрофону вышла любимица Валентины Степановны – лаборантка Верочка из соседнего НИИ. Развита, умница – просто чудо! Ну, за эту можно не бояться. А писатель все смотрит на Тургенева – чужак, смотрел бы на Верочку. Одни глаза чего стоят. А сама мягкая, тонкая, гнушная, как церковная свечка.

Верочка говорила, волнуясь, что называется, «переживала». Она все сгибала-разгибала в руке конспект, а потом бросила его на стол, ухватила одной рукой за стержень микрофона и говорила-говорила, щекой к микрофону, и эта щека у нее покраснела, словно микрофон был горячий...

«Милая моя, ну можно ли так волноваться? – думала Валентина Степановна. – А какая хорошенькая! Что-то в ней старинное, эпохи Возрождения, что ли. Где это я видела такую картину: девушка с лилией в руке? Точь-в-точь Верочка с микрофоном».

Чтобы не смущать Верочку, Валентина Степановна даже отвернулась, стала глядеть в окно. За окном жил своей жизнью бульвар. Мальчик в матроске бежал за красным мячиком. Катились коляски, кормились голуби. Надо всем этим нависла большая синяя туча. Парит. Наверно, будет дождь.

Верочка кончила. Раздались аплодисменты. Она оторвала руку от микрофона и пошла на свое место, гибко лавируя между стульями. Проходя мимо Валентины Степановны, она наклонилась, выдохнула шепотом:

– Ну, очень плохо?

– Нет, Верочка, очень хорошо.

– Ох, вы всегда меня утешаете, – и ускользнула.

Писатель сидел так же неподвижно, с морщиной между бровями. Хоть бы улыбнулся, что ли.

– Слово имеет Марья Михайловна Ложникова, пенсионерка, старейший член библиотечного совета.

Вышла очень маленькая кудрявая старушка со спущенным на одной ноге чулком. Слуховой прибор висел у нее на цепочке, как охотничий рог. Она разложила на зеленом сукне

листочки конспекта. Много листочков. Писатель содрогнулся. Марья Михайловна подошла к микрофону, поднялась на цыпочки и металлическим голосом завопила на весь зал:

– Товарищи! Сейчас, как никогда...

– Не так громко! – закричали в публике.

– Что? – спросила Марья Михайловна. Она была похожа на чижику: кивает, словно клюет.

– Не так громко! Потихе! – надрывались в зале.

– Не слышу! – победно крикнула в микрофон Марья Михайловна.

Ну вот, опять смеются. Валентина Степановна вышла вперед:

– Марья Михайловна, дорогая, подальше от микрофона, и не надо так кричать.

Она взяла старушку за плечи и переставила. Какая легкая старушка! Пепел.

– Стойте так и не напрягайте голоса, пожалуйста.

Марья Михайловна чижиком поглядела поверх очков и поднесла рог к уху.

– Не так громко! – крикнула в раструб Валентина Степановна. Все это походило на цирк, и она страдала.

– А, не так громко? – поняла наконец старушка. Она снова ухватила за свои листки и привстала на цыпочки: – Товарищи, сейчас, как никогда, имеет место огромная воспитательная роль литературы. Сегодня мы обсуждаем произведения уважаемого Александра Петровича...

(О ужас! Писателя звали Александр Александрович.)

– ...Это хорошие, качественные произведения. В них мы воочию наблюдаем передовые черты героев нашего времени, поколения строителей коммунизма. Особенно удаются уважаемому Александру Петровичу (опять!) образы борьбы за перевыполнение плана, против бюрократизма и волокиты. Однако не со всеми образами мы можем согласиться. Например, среди образов Александра Петровича фигурирует личность Вадима, который на страницах романа ведет себя отрицательно, допускает целый ряд аморальных поступков, буквально пьет! Как старая учительница, я спрашиваю вас, Александр Петрович: кого и чему может научить такой Вадим? Можем ли мы воспитывать молодежь на таких примерах, я вас спрашиваю, Александр Петрович?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.